

Баланчина вернули в будущее

ОЛЬГА ГЕРДТ

В Мариинском театре проходит третий Международный фестиваль балета, концепция которого определена как «фестиваль открытых дверей». В репертуарных спектаклях танцуют приглашенные звезды. В «Баядерке» уже выступил москвич Николай Цискаридзе, в «Жизели» представители London Royal Ballet Иохан Кобборт и Алина Кожокару. Самым «открытым» спектаклем стали «Драгоценности» Джорджа Баланчина, исполненные солистами трех театров — Opera de Paris («Измуруды»), New York City Ballet («Рубины») и Мариинского («Бриллианты»).

С одной стороны, а затем соединить солистов трех театров в одной постановке есть что-то от ВДНХ. С другой — баланчинская «Драгоценности» подобную искусственность вполне оправдывают. В спектакле 1967 года хореограф отдает дань трем танцевальным культурам, его вдохновившим: французской («Измуруды» на музыку Габриэля Форе), американской («Рубины» на музыку Игоря Стравинского) и русской («Бриллианты» на музыку Петра Чайковского). По сути задолго до того, как возникла проблема, «танцевать ли балеты Баланчина в России и не разоршится ли от этого Дом Петипа?», хореограф сконструировал в «Драгоценностях» интернациональное балетное будущее. И по-своему ответил на вопрос, что будет, если русские начнут танцевать с американскими акцентами, французы с никегородскими, а американцы даже в «Лебедином» расставят джазовые.

В «Драгоценностях» ретроспекция обрабатывается футуристическим прогнозом. По сути, уже сбывшимся. В Мариинке, к примеру, Баланчин адаптировался настолько, что сидевшая рядом со мной пожилая дама,

из числа балетоманов-ветеранов, в голос хохотала над носителем стиля Баланчина танцующим из New York City Ballet американцем Джосом Сото: «Ну что он танцует? Ну что за текст? Вот наш Андриан Федева — вот он это делает отличной! Где чей дом — разговор, тараторящий актуальность. Сам Баланчин, соединив балетную патетику с балетной же эксцентрикой и сентиментализмом, доказал, что границы размыты. Балетный дом — это все сразу. Цирк, Версаль и храм. Особое пространство, где русские священнодействуют, французы демонстрируют хорошие манеры, а американцы уходят в шоу.

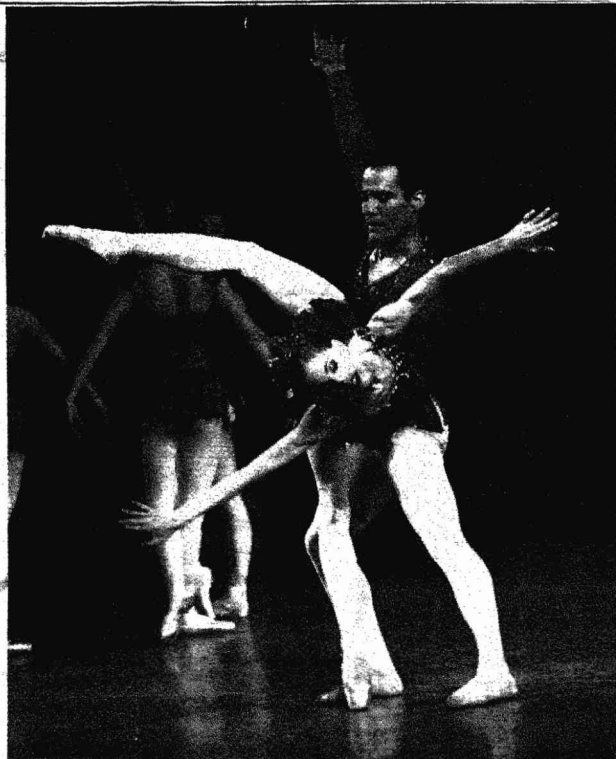
Приблизительно так и получилось. Французы Лезтия Пюхоль, Карл Пакетт, Ян Бридар и Эленора Аббаньо демонстрировали в «Измурудах» стильность и хорошие манеры, мягкими ручками вырисовывая темы Форе. Не тянули одеяло на себя, стараясь вписаться в зыбкий импрессионистичный рисунок на равных с кордебалетом (им это удалось). Американцы — великолепная пара Венди Вилан и Джок Сото, — форсируя все, что можно форсировать, подавали каждую позу, каждый шаг как замысловатый трюк, спровергая тот сдержанный тон, что только что утверждали европейцы. Могучий мужчина Джок Сото взлетал и приземлялся бесшумнее бабочки. Венди Вилан то дразнила, то ухаживала от партнера — как какая-нибудь американская Джейн от своего американского же Тарзана, демонстрируя отличные темпы и умное, сильное, очень музыкальное тело. Оба апатировали открыто сексуальными телодвижениями и смотрелись бы чемпионами по бальным или джаз-танцам — в том, конечно, случае, если бы «Рубины» Баланчина включили в какую-нибудь обязательную спортивную программу.

«Рубины» нью-йоркцев, сильно отличаясь от «Рубинов» в Мариинке, не были при этом совсем уж американскими. Словно русская

привычка в каждом дуэте транслировать если не любовные, то высокодуховные отношения растроганилась и на этих бесшумных танцорах. Впрочем, говорить об абсолютной чистоте стиля в этих интернациональных «Драгоценностях» сложно. И не только потому, что постмодернизм повсюду. Силы солистов оказались неравными. Французы прислали довольно стабильную, но не самую яркую четверку солистов, из которых лишь одна, Лезтия Пюхоль, этюаль, и только один, Ян Бридар, выделяется индивидуальностью и шармом. Введенная же в «Рубины» по случаю солистка New York City Ballet Мария Ковроская, красивая, длинноногая полька, не очень гладко вписалась в темпы и рисунок «Рубинов» — очевидно, по причине цейнота.

Когда эксперимент оборачивается импровизацией, побеждает дружба и тот, кто лучше подготовился. Из всех трех частей самой добротной и срепетированной оказалась русская: «Бриллианты» с Дарьей Павленко и Даниилом Корсунцевым, торжественно увенчавшие представление. Дарья Павленко вернула Баланчину то, о чем он грешил в своем далеке, цитируя в «Бриллиантах» фрагменты русской классики: величественность, аллюр и полный отрыв царственной русской прима от всего земного. Французская манерность и американская откровенность были побеждены скромным обаянием балерины, сиявшей дорогой простотой облика и танца. Как и положено бриллианту. Дарья Павленко танцевала Баланчина без всякого намека на стилизацию и игру, вопреки эталонному исполнению Ульяны Лопаткиной. Танцевала так, словно споры на тему, «наш Баланчин или не наш», закончились, а зеркальное отражение материализовалось в подлиннике. «Дом Петипа» в этом смысле победил и ассимилировал «Дом Баланчина».

Парадоксально, что Баланчин при этом не выглядел «обрусевшим».

Венди Вилан и Джок Сото показали в «Рубинах» Баланчина, что такое настоящий «балетный Галлмунд» Фото Наталии Резиной